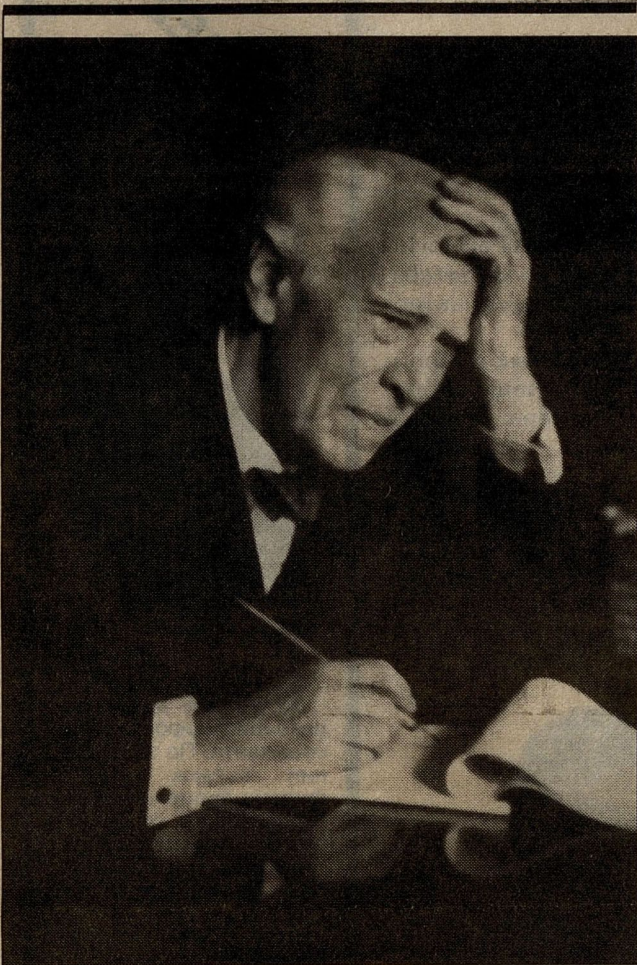

Л.Я.Гуревич
До 6 мая 1919г.

Дорогая, искренно любимая Любовь Яковлевна! Давно, давно я не писал Вам! Не мог, не писалось. Слишком уж много произошло за эти годы!.. Моя жизнь совершенно изменилась. Я стал пролетарием и еще не нуждаюсь, так как халтурю (это значит играю на стороне) — почти во все свободные от театра дни.

Пока я еще не пал до того, чтоб отказаться от художественности. Поэтому я играю то, что можно хорошо поставить вне театра. Стыдно сказать. Выручает старый друг "Дядя Ваня". Мы его играем в Политехническом музее по новому способу, без занавеса, но с декорацией и костюмами. Получается преоригинальный спектакль. Несравненно более интимный, чем в театре. Конечно, нам уже не следует играть молодых. Мы знаем, создаем и мучаемся от этого компромисса. Но все же это лучше, чем пошлые концерты и эстрадное чтение, за которое платят сумасшедшие деньги. Иногда играем "Дядю Ваню" и в Первой студии. Это тоже очень приятно... На днях буду играть "Хозяйку гостиницы" в бывшем большом зале Благородного собрания.

Далее, ради заработка приходится устраивать оперную студию при Большом государственном театре. Дело в том, что господа большевики принуждают нас взять на себя весь Большой театр и говорят при этом так: Большой театр — труп и Художественный театр — тоже полумертвец. Вот их и надо соединить. Наш мертвец внес большую жизнь в труп Большого театра. Все очень оживилось, Лужский с Немировичем ставят там "Снегурочку", я же откасался наотрез работать сразу над постановками и согласился только на студию. Большевики принуждены были уступить и предлагали миллионы на студию. Так ловят неопытных девушек, когда их заманивают и приковывают к публичным домам. Первая забота, чтоб они задолжали побольше. Но я на эту удочку не пошел, так как боялся, что к студии мгновенно присосутся жулики, которых так много теперь прилипло к театрам. Не заметишь, как из ассигнованных миллионов утечет добрая половина. Поэтому я предложил такие условия. Студия сама себя окупает — самими артистами. И вот 4 апреля в бывшем Благородном собрании мы даем концерт. Поют все певцы Большого театра, и мы (то есть я и Гзовская — преподаватели студии) — играем сцены из "Хозяйки гостиницы", которая не шла несколько лет.

Жене приходится также очень туго. Во-первых, весь продовольственный вопрос лежит на ней. Благодаря ей — мы питаемся прилично. Это чрезвычайно важно для детей, так как у Игоря — туберкулез, а у Киры расположение к нему. Все, что мы наживаем, мы тратим только на еду. Во всем остальном мы себе отказываем. Износились. Сократили квартиру. С ней вышла удачная комбинация, благодаря которой все имущество (а главное библиотека) пока уцелели. Передняя, столовая и зал отданы под студию (Первая студия и Студия Большого государственного театра (оперная) одна комната сдается, а в остальных мы ютимся...)

Я протаскал письмо несколько недель, не находя вре-

мени (даже в антрактах спектаклей), чтоб его окончить... Конечно, полчаса найти можно, но не найдешь в себе самом подходящего для письма настроения.

С тех пор, как я начал письмо, многое изменилось. Мы никуда не едем, так как ехать никуда теперь нельзя. Кто может поручиться в том, что у нас не отнимут по дороге все декорации и костюмы. В каком виде (нрзб.)

А сами мы, вернемся ли, при свирепствующем сыпном тифе? Особенно по линии железных дорог.

Наша художественная жизнь — кипит, хотя мы ничего не выпускаем. Виною не артисты, а рабочие. С ними сделать ничего нельзя. Хамство и воровство такое, что потомки не поверят, если бы записать. Мы держимся на (нрзб.)

Сегодня отправляется последний транспорт студийцев и решил послать, что написал и недоканчивал. Надеюсь, что найду возможность написать так, как бы хотелось.

Знаю, что мое молчание не смутит Вас — и Вы знаете, что я неизменно, при всяких обстоятельствах люблю Вас и неизменно Вам предан. Обнимаю.

Ваш К.Алексеев.

А.М.Горькому
18 июня 1920 г.

Дорогой Алексей Максимович! Мне снова приходится эксплуатировать Ваше доброе сердце.

Дело в том, что арестовали сестру покойного Алексея Александровича Стаховича — Софью Александровну Стахович, которую Вы, вероятно, знаете. Она сидит в Чрезвычайной комиссии: говорят — в ужасной обстановке, с ворами и спекулянтами.

Константин
Станиславский:

“Мы отказываемся

Предлагаем вниманию читателей неопубликованные письма Константина Сергеевича Станиславского, адресованные разным лицам и в разные инстанции. Выбранные в сущности произвольно, они тем не менее дают довольно полную картину послереволюционной жизни и мироощущения великого режиссера и артиста, во многом по-новому раскрывая перед нами его судьбу в наступившем историческом времени.

Публикуемые письма являются лишь незначительной частью того неизвестного материала, который войдет в 9-й том нового собрания сочинений Станиславского. Том подготовлен Научно-исследовательским сектором Школы-студии МХАТ. Выпускает его издательство "Искусство".

Составители И.Виноградская и Е.Кеслер.

Арестовали ее по следующему делу.

После покойного Стаховича остались ключи от сейфа, в котором хранились драгоценности, принадлежавшие детям покойного, Софьи Владимировны Паниной и пр. Софья Александровна не знала, что делать с ключами. Явились плохие советчики и уговорили ее довериться какому-то человеку. Он попался, а вслед за ним была арестована и сама Софья Александровна.

В порядочности ее сомневаться не приходится. Она жертва своей непрактичности, деловой неопытности, неумения жить. Глупее всего то, что она хлопотала для других. Наказание превышает преступление, так как, при ее избалованности, привычках и пр. — тюрьма и сожительство с ворами слишком жестокое возмездие.

Моя просьба заключается в том, чтобы постараться смягчить ее участь и похлопотать о скорейшем разборе дела и о том, чтоб отпустили ее на поруки. При этом, говорят, необходимо поручительство коммунистов, но у нас их нет среди людей, знающих Софью Александровну.

Простите за беспокойство и примите уверения в моей искренней любви.

Ваш К.Станиславский

В Избирательную комиссию депутатов в Моссовет
(1920 — 1921 гг.)

На предвыборном собрании артистов, созванном 25 апреля в Большом театре для выбора депутатов в Московский совет, я был внесен в список кандидатов, несмотря на свой трехкратный отказ.

Настоящим письмом я хочу еще раз категорически заявить о том, что я прошу снять с баллотировки мою кандидатуру. Причины, побуждающие меня к этому, следующие:

1). Я перегружен работой в следующих учреждениях: Московский Художественный академический театр, 1-я студия МХАТ, 2-я студия МХАТ, оперная Студия Большого театра, Чеховская студия, Грибоедовская студия, "Габима", Армянская и Латышская студии. Во всех этих студиях я произвожу ряд экспериментальных работ для разработки вопроса по изучению творческого процесса артистов, который является главной целью последних лет моей жизни.

2). В связи с этим я занят приведением в порядок и разработкой огромного материала по моей специальности, собранного мною за мою почти сорокалетнюю работу в театре. Этой работе я придаю большое значение и считаю ее чрезвычайно спешной, ввиду того, что мне остается уже немного времени для деятельной жизни.

3). Мои артистические задачи, мои семейные и материальные условия не дают мне возможности отказаться от всех моих планов и работ. С другой же стороны, мое здоровье и все ухудшающаяся хроническая болезнь, мой возраст и время лишают меня всякой возможности возлагать на себя новые обязанности.

4). Если бы я был удостоен чести избрания в число депутатов Московского совета, — я бы не смог отнестись иначе к моим новым обязанностям, как с полной добросовестностью. Я счел бы своей обязанностью как представитель артистической корпорации откликаться на бесчисленные обращения, которые могли бы быть направлены

ко мне. Поэтому я знаю, наверное, что новые обязанности отняли бы у меня все время и все силы, — и лишили бы меня возможности отдаваться своей специальности и выполнять основные задачи моей жизни. Другими словами, мне пришлось бы изменить своему искусству ради общественной деятельности, к которой я никогда не чувствовал в себе призвания: Я призван служить обществу в театре и должен оставаться в области искусства.

В виду всего вышесказанного я принужден категорически отказаться от высокой чести, которой меня хотят почтить — избранием в члены Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В.И. Садовникову
(После 19 августа, 1921 г.)

Дорогой Виктор Иванович! Простите, что пишу карандашом. Нет ни бумаги, ни чернил.

Я уже Вам говорил при свидании, что я не буду принимать никакого участия во всех дрязгах студии. Мое правило: обходить трясины, а не вязнуть в них. Если студия нужна и жизнеспособна, Вы сумеете примириться с недостатками других и исправить свои. Если они Вам дорожее, чем студия, последняя закроется — туда ей и дорога! Значит, это был выкидыш, мертворожденное детище.

Если б Вы захотели руководствоваться моим мнением, — вот оно: моя мудрость несложна — она заключается в том, что я стою в плоскости не личных интересов, а дела, и рассуждаю практически.

Студия не может существовать (при сложившихся условиях, когда я сам разорван на части) — без такого челове-

ка, который бы отдался делу целиком, то есть работал по 36 часов, чуть не задаром, бегал к телефону, отворял парадную, стирал пыль, укладывал костюмы, ставил декорации... и прочее и прочее, не получая за это даже простой благодарности, из вежливости. Это надо ценить больше всего. Недостатки такого человека — на втором плане. Таких людей, в моей жизни, я видел трех: Сулер-жицкий, меня и Соколову.

Вы — барин, Вам нужно готовое и потому Вы и не понимаете, как я — чернорабочий, ценю таких людей. Жаль в данном случае, что Соколова моя сестра. К своим я особенно строг, так как мне труднее сказать, что она именно такой человек. Раз за всю жизнь я нашел их только — троих, то глупо надеяться, что новый явится через неделю. Их нет. Есть одна Соколова. Если она уходит — ее дела придется делать мне. Не могу и заранее отказываться.

Ерго: Соколова является мне необходимой не потому, что она мне сестра, а потому, что без нее мне не на кого опереться.

Садовников — выученик студии, готовый артист-студийец. Тенор. Теноров у нас нет — один Вербицкий. На нем строить репертуар нельзя. Если Садовников уйдет, придется прекратить на год спектакли, — пока не найдется и не подрастет новый тенор. Студийцы без заработка больше работать не могут. Студия разбежится и закроется временно или навсегда.

Ерго: Чтоб существовала студия — надо Садовникову примириться с недостатками Соколовой и самому проверить себя, а Соколовой — надо примириться с недостатками Садовникова и пересмотреть свои собственные.

Эту работу могут сделать они сами. Я тут ничем помочь не могу.

Если Садовников и Соколова любят студию — они это сделают очень скоро. И найдут "modus vivendi", так как они не дикари, а люди культуры. Если они любят себя в студии, тогда им обоим придется остаться — одним без студии, а я, пожалев о прошлом, буду умнее в будущем и поищу лучшего применения своих сил. Вот что говорит самая примитивная, реальная практическая жизнь и ее требования.

Я не хочу запутывать вопроса и разбирать Вас как музыкальную и вокально-преподавательскую силу. Вы не маленький и знаете, что авторитет не дается, а завоевывается.

И здесь я становлюсь на реальную почву и говорю: кроме Садовникова, пока не вижу музыкального руководителя. И это совсем не потому, что у меня пристрастие к Садовникову, а потому, что нет другого. Если будет лучше его, то я так и скажу — пусть будет их два. На первом месте — лучший, на втором — Садовников. Если он обидится, значит он любит себя в студии, пусть уходит. Если сумеет победить мелкую обиду, он в студии и будет толк.

Советую Вам прекратить всякие разговоры об этом деле до октября. Через месяц сойдется и решите, можете Вы жить вместе — ладно, нет — закроем студию совсем или временно. Я же не войду в студию, пока не состоится общего примирения или такой чистки, которая не потрясает самых основ, которая рушит дело.

Ваш Станиславский.

Экран и сцена —

Е.К.Малиновской
15 августа 1925 г.

Дорогая Елена Константиновна!
Только что вернулся в Москву и прочел Ваше письмо. Возмущен, но скоро узнал, что Луначарский печатно объявил, что слух об отставке Южина — неверен и что он остается, по-прежнему, директором Малого театра. Вслед за этим узнал слух, или сплетню, о том, как произошла эта отставка. В заботе о спасении искусства Колосков, при разговоре по телефону с кем-то (кажется, с Наркомпросом), предложил свой гениальный план сокращения бюджета: увольнение народного артиста Южина. Недолго думая, они решили и тотчас же написали бумагу. Все лето этот господин, сорвавшийся из сумасшедшего дома, проделывал бесчинства. Из-за них я полтора года прожил в Москве, так как Владимира Ивановича нет, Лужский уехал и я с Подгорным трепался по приемным. Вот пример того, чем занимается Колосков. После наших энергичных протестов и заявлений по поводу рестрирования, — он изрекает знаменитую фразу: "С этим театром (то есть с нашим) придется принять большевистские меры". Через несколько дней приходит к нам в театр какой-то Митин и предъявляет бумагу, согласно которой он назначается красным директором МХАТ.

Мы наводим справки о том, кто этот Митин. Он бухгалтер из Электрического банка. Очень честный человек, но уволен за тупость и неспособность.

Отправляемся к Луначарскому. Он хватается за голову, разводит руками, звонит по телефону Колоскову. Мы слышим такой разговор: "Этот вопрос не согласован с на-

состоится, мы начинаем переговоры с кино. Что же делать! Если хотят, чтоб мы халтурили, лучше это делать в кино, которое я ненавижу, чем в театре, который я чту.

Настроение у меня, да и у всех нас — адское. В таком состоянии нельзя работать в искусстве, и потому начинаем сезон с тяжелым чувством и совершенно истрепанным за весну и лето — телом. Одновременно с этими невзгодами у меня неблагополучно в семье. Сын все в Давосе и оттуда его не отпускают. Жена все больна и должна ехать на всю зиму — за границу. Дочь с внучкой — под Москвой на скверной даче, я в Москве живу на четыре дома, ищу на стороне какой-нибудь работы, по ночам пишу новую книгу, веду переговоры с какими-то кособокими и шепелявыми бездарностями, которые желают брать уроки драматического искусства, списываясь с заграницей, чтоб как-нибудь свести концы с концами и не выписывать сюда на погребель своих больных. Словом, я принужден делать все, кроме своей специальности режиссера и актера, так как это дело не может прокормить 18 человек, которые висят у меня на шее. У одной сестры умирает от истощения и чахотки четвертый сын и на очереди еще два. У другой сестры — все дети, почти нищенствуют и просят прислать им денег, чтобы продавать мороженое по дачам. Мать их — харкает кровью и опасается горловой чахотки. Голова идет кругом. Как при этих условиях удержаться на подобающей высоте? Кем жертвовать — семьей или искусством?

Я потерял сон и ничего не могу придумать.

А сезон уже пришел, сегодня первая репетиция.

А Колосков продолжает писать бумаги. А актеры приходят голодные, и денег им не выдать нельзя (в этом виноват и Юстин, который до сих пор не представил отчет).

разрушать МХАТ собственными руками”

ми. Красный директор назначается для 2-го МХАТ, так как Немирович-Данченко отказался отвечать за него (после бития рецензента и пьесы "Король Квадратной республики"). Но, — продолжает Луначарский, — МХАТ Первый на особых условиях. Это театр с мировой известностью и потому политически неудобно и т.д. ... Эта попытка Колоскова пролетела. (Митин не назначен директором 2-го МХАТ — Берсенев дружит с Колосковым). Тотчас же предпринимается новая. Надо знать, что в последний день наших гастролей в Киеве, когда все расположились на заработанные деньги полечиться и отдохнуть, — вдруг получается телеграмма от Колоскова о том, чтоб денег не выдавать, так как то, что заработано нами на жалование, — принадлежит нам, на 100% дивидендов, о которых теперь идет речь, свыше жалования, — принадлежит не нам, а актеатрам. Результатом такого распоряжения является то, что больная Раевская, которой строжайше предписано было ехать лечиться на Кавказ, возвращается с юга в Москву и сидит все лето в Москве. Вся молодежь приехала сюда же и прохалтурила все лето, я остался в Москве, так как не на что было ехать за границу — к сыну и лечиться.

Но этого мало. Кроме отнятия денег, Колосков захотел заподозрить нас в каком-то преступлении (скрытой антрепризе) и прислал в контору сделать экстренную и внеплановую ревизию. Мне подает бумагу какой-то толстый неприятный старик. Бумага написана с невероятной наглостью. Я захотел его погугать и сказал, что я еду к прокурору и заявляю ему о том, что я совершил преступление и прошу составить протокол, так как я роздал все деньги от дивидендной поездки. Пусть нас судят. С одной стороны, пусть выступает Колосков, вместе с представителями финотдела — в качестве обвинителя, а в качестве обвиняемого являемся мы, то есть Немирович-Данченко, я, Качалов, Москвин, Книппер, Леонидов, Грибунин, Раевская, Лужский, Вишневский и другие хорошие знакомые Москвы.

Сбор будет полный. Что касается заявления Колоскова, то я передал его стоявшему рядом со мной Подобеду — для нашего Музея МХАТ. Боже! Что случилось с представителем финансового отдела. Он умолял вернуть бумагу и не делать скандал. "Так вот с какими поручениями вы приходите!" — воскликнул я. Вам приходится краснеть за нас.

Бедного толстяка теперь уволили. И знаете кого взяли на его место!!!

Трудно поверить!

Знаменитого *Вольнского* из моей Оперной студии. Нас довели до того, что мы подали в Совнарком заявление, прося не назначать нам субсидии и оставить нас в покое в административном смысле. Во время обсуждения вопроса, как говорят, явились какие-то друзья театра и горячо ходатайствовали (не поняв нашей просьбы) о том, чтоб нас оставили с субсидией, так как политически неудобно не покровительствовать нашему театру. Так и решили. После этого решения возобновились новые придирки и давление со стороны конторы актеатров. Мы подали новое заявление в Совнарком, вторично просим — лишить нас субсидии, но оставить в покое. Нашу просьбу уважили. Мы перешли к хозрасчету и хотим объявить абонемент. Нам отвечают из конторы актеатров: "С условием, что абонемент будет продаваться в общей кассе". Через несколько дней, несмотря на то, что мы перешли на хозрасчет, нам присылают от Колоскова строжайшее предписание — прислать для рестрирования такие-то сведения о нашем театре, закрыть свою бухгалтерию и кассу, и все это полагается для рестрирования.

Что это? Новая несогласованность. Решено просить Луначарского приехать к нам в театр и поговорить с нами (пока — негласно). Все старики, как один человек, заявят ему, что они просят перевести МХАТ из актеатров в другое учреждение (хотя бы в Главнауку). А если и этого нельзя, то закрыть МХАТ, так как мы отказываемся разрушать его собственными руками.

Это решение наше — твердо. На случай, если закрытие

ты).

Почему я все это пишу Вам, дорогая Елена Константиновна.

Чтобы отвести душу и еще... Прошел слух... Говорят, что Вы уже одной ногой стоите на Большой Дмитровке. Говорят, что Колосков уже висит в воздухе. Ходят анекдоты о его пробе голосов в Севастополе. Он вызвал тех, у кого есть большой голос. Вот и собрались извозчики, матросы и стали орать и петь русские песни или частушки. Говорят, будто это было невероятное зрелище, обратившее на себя внимание.

Как мы Вас встретим!! И как мы проводим Колоскова!!! Целую Вашу ручку.

Письмо, пожалуй, осторожнее послать не на (нрзб.), а на Б.Дмитровку.

К.Станиславский.

А.И.Рыкову
Москва. 31 марта 1929 года.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Иванович!

Забыв после нашего юбилейного спектакля, я не имел возможности до сих пор хотя бы письменно поблагодарить Вас за все то, что Вы сделали для меня в день нашего юбилея. Не скрою от Вас, что Ваше присутствие на нашем торжественном заседании и на спектакле дали мне очень большую радость: этим Вы подчеркнули свое к нам отношение. Ваше внимание ко мне лично, выразившееся в назначении мне персональной пенсии, ассигновании на взнос на квартиру кооперативного пая, а теперь, как я узнал, еще и в предоставлении средств на лечение мое за границей, мне чрезвычайно дорого, так как я знаю, что сделали это Вы.

Мне не хватает сейчас слов выразить Вам мою благодарность и, если Вы позволите сказать их Вам лично, когда здоровье позволит мне это сделать, я буду Вам очень признателен.

Одно только беспокоит меня: это обещанные правилами персональные пенсии моим товарищам, проработавшим со мной двадцать пять — тридцать лет. Все они не молодцы, с подорванными силами, как это показало их медицинское освидетельствование. Вопрос же о них не урегулирован, я и боюсь, что он может затянуться. Между тем скоро конец сезона, всем им надо ехать на отдых и восстанавливать свои силы.

Вы не посетуйте на меня, дорогой Алексей Иванович, за эту мою заботу о моих товарищах, но их неустойчивость в этом вопросе меня очень беспокоит и волнует.

За все, что Вы сделали для Театра, для моих товарищей и меня лично — примите мою глубочайшую признательность и искреннюю благодарность.

Сердечно преданный Вам (К.С.Станиславский)

А.С.Енукидзе
1930-20-ХІ. Москва

Милый, добрый Амель Сафронович!

Я только что отблагодарил Вас за Вашу ласку и заботы обо мне и снова мне приходится обратиться к Вам с большой, тяжелой просьбой.

Облегчите, если можете, ужасный гнет моей души. Он давит и не дает жить.

Мой племянник Михаил Владимирович и его жена Александра Павловна Алексеевы до сих пор сидят в заключении.

Я знаю их, как себя самого; я знаю наверное, что они не могут быть виновными в преступлении. В их судьбу вкралось трагическое недоразумение. Если б я не был в этом так уверен, я бы не посмел писать Вам эти строки. Спасите их, детей, всю семью больного истрадавшего брата. Ведь арестованный Михаил Владимирович страдает такой же тяжелой болезнью сердца, как и я сам. У него грудная жаба.

Может быть, мне окажут доверие и выдадут их обоих — на поруки.

Не сердитесь на меня за этот вопль. Он вырвался от глубокого горя, в которое мы все погружены после момента ареста близких людей.

Душевно преданный Вам

К.Станиславский

И.В.Сталину
29 октября 1931 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Зная Ваше всегдашнее внимание к Художественному театру, обращаюсь к Вам со следующей просьбой.

От Алексея Максимовича Горького Вы уже знаете, что Художественный театр глубоко заинтересован пьесой Николая Эрдмана "Самоубийца", в которой театр видит одно из значительнейших произведений нашей эпохи. На наш взгляд, Н.Эрдману удалось раскрыть разнообразные проявления и внутренние корни мещанства, которое противится строительству страны. Прием, которым автор показал живых людей мещанства и их уродство, представляет подлинную новизну, которая, однако, вполне соответствует русскому реализму в ее лучших представителях, как Гоголь и Щедри, и близок традиции нашего театра.

Поэтому после того как пьеса была закончена автором, Художественному театру показалось важным применить

свое мастерство для раскрытия общественного смысла и художественной правдивости комедии. Однако в настоящее время эта пьеса находится под цензурным запретом. И мне хочется попросить у Вас разрешения приступить к работе над комедией "Самоубийца" в той надежде, что Вы не откажете нам просмотреть ее до ее выпуска в исполнении наших актеров. После такого показа могла бы быть решена судьба этой комедии. Конечно, никаких затрат на постановку до ее показа Вам Художественный театр не произведет.

Г.Г.Ягоде
8 января 1933 г. (Москва)

Глубокоуважаемый Генрих Григорьевич, я решаюсь беспокоить Вас этим письмом только потому, что моя просьба касается одного старого и преданного театру работника.

9 декабря прошлого года был арестован Алексей Александрович Прокофьев, работавший в Московском Художественном театре со дня его основания, то есть около 35 лет, — сначала в должности заведующего буфетом, а последние годы — и столовой театра.

Исключительная любовь и преданность А.А.Прокофьева делу театра в связи с безусловной честностью в исполнении своих обязанностей заставляют меня убедительно просить Вас лично ознакомиться с его делом и отнестись к нему снисходительно, так как мне не хочется верить, что А.А.Прокофьев мог допустить ошибку в работе из побуждений личного интереса.

60-летний возраст А.А.Прокофьева и его тяжелая сердечная болезнь дают мне надежду, что Вы, глубокоуважаемый Генрих Григорьевич, не откажете мне в моей просьбе о возможном смягчении его участи. Мой сердечный привет. Сердечно преданный и любящий Вас.

К.Станиславский

С.С.Пилявскому
13 февраля 1933 г. (Москва)

Я получил от неизвестной мне артистки Ольгиной-Петипа письмо, из которого прилагаю выдержки.

Артистка Ольгина-Петипа никого не знает в Москве и просит узнать в Верховном суде, было ли уже решение по делу ее сына и что постановила высшая инстанция.

Исполняя просьбу матери подсудимого, я прошу известить артистку О.Г.Ольгину-Петипа, когда дело будет пересмотрено, о постановлении Верховного суда.

Адрес ее: Крым. Керчь. Улица 23 мая, д. 141. квартира Павловой.

Ольге Геннадьевне Ольгиной-Петипа.

Народный артист Республики.(Станиславский).

Гуревич Л.Я. — писательница, редактор, театральный деятель.

Садовников В.И. — певец, дирижер, педагог. Работал в Оперной студии Станиславского.

Малиновская Е.К. — общественный и государственный деятель, в разные годы управляющая московскими государственными и академическими театрами.

Рыков А.И. — партийный и государственный деятель.

Енукидзе А.С. — государственный и партийный деятель. Возглавлял Комиссию по руководству ГАБТ и МХАТ.

Ягода Г.Г. — руководящий работник ОГПУ, в 34-36 гг. возглавлял НКВД.

Пилявский С.С. — юрист, одно время Председатель специальной коллегии Верховного суда СССР.

Михаил Владимирович Алексеев умер в Бутырской тюрьме.